ЕПИСКОП МОГИЛЕВСКИЙ И МСТИСЛАВСКИЙ СТЕФАН О ПРАВАХ И СВОБОДАХ ГРАЖДАН РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1905–1907 гг.)

К. М. Бондаренко (г. Могилев, Беларусь)

Практически все монархические организации, начиная свою практическую деятельность, заявляли, что одной из их главных задач будет забота о нуждах и правах широких народных масс – православных всех сословий и состояний. Впервые, провозглашенные царским Манифестом 17 октября, свободы были признаны Русским Собранием, хотя в его программе они не назывались и не перечислялись. Основное внимание обращалось здесь на необходимость их защиты от посягательств как со стороны правительства так и со стороны общественных учреждений. «Дарованные царем нашим ко благу русского народа свободы, – заявлялось в Обращении Собрания к избирателям в I Государственную думу, – возвещенные Манифестом 17 октября 1905 г., должны быть обусловлены законами, ограждающими личность, общество и государство, от злоупотребления ими, а самые свободы от нарушений со стороны правительственных и общественных должностных лиц и учреждений, выразятся ли эти нарушения в превышении или бездействии власти» [1, с. 247]. Программа Русской монархической партии (РМП) и «Основоположения» Союза Русского Народа обходили этот вопрос и даже не упоминали о правах и свободах граждан (если не считать того факта, что РМП по-прежнему настаивала на сохранении сословного строя, как залога сохранения русской государственности – *К.Б.*) [2, с. 429]. Избирательная платформа СРН в I Государственную думу дословно повторяла положения приведенного выше документа Русского Собрания и только в августе 1906 г. в уставе СРН были наконец перечислены гражданские свободы и права, а также указывалось не только на необходимость их соблюдения, но и на ограждение общества от анархии и произвола. § 7 устава Союза Русского Народа гласил: «Ближайшая деятельность правящих властей неуклонно направляется к установлению строгого порядка и законности на твердых началах свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности, но с установлением правил, определяющих границы указанной свободы, дабы не нарушался государственный правопорядок и не затрагивались бы права отдельных лиц и дабы она сама была ограждена от произвола [3, с. 5].

На территории Беларуси лидеры монархистов так же настороженно отнеслись к свободам объявленным Манифестом 17 октября, что было обусловлено национальной спецификой региона, а также местными событиями, последовавшими после объявления документа. В частности на имя министра внутренних дел от «сынов православной церкви губернского города Минска» последовало обращение, в котором первой мерой для установления в стране порядка предлагалось «манифест, данный 17 октября сего 1905 г. совершенно отменить, так как этот манифест дает возможность распространять в народе возмущения…» [4, л. 37 об.].

В отношении избирательных прав народа точка зрения крайне правых организаций отличалась еще большей категоричностью. К примеру, редакция печатного органа Виленского губернского отдела СРН газеты «Морская волна» четко выразилась в этом смысле, указывая на неготовность российского общества к парламентаризму: «Какой же на самом деле может быть в России парламент, конституция или Дума с законодательной властью, когда у нас чуть ли не 90 миллионов неграмотного народа! [5, с. 3].

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Умеренный монархист епископ Могилевский и Мстиславский Стефан высказывался по этому поводу более корректно и осторожнее. С его точки зрения широкие права и свободы будут залогом процветания и благоденствия всего отечества, так и благополучия каждого гражданина лишь в том случае, «когда личность достигает той умственной и нравственной зрелости, при которой она сможет самостоятельно разбираться в сложных вопросах общего и личного благополучия, свободно, без принуждения, сможет самоопределять себя к тому, что действительно способствует общему и ее личному благу, и иметь искреннюю готовность к самопожертвованию в предпочтении блага общего благу личному» [6, с. 609-610]. В связи с этим, епископ сравнивал российское общество, добившееся, по его мнению, широких прав и свобод 17 октября, с детьми, вынудивших «старших преждевременно признать их совершеннолетие», и констатировал: «слишком ранняя полная свобода для граждан может принести лишь непоправимый вред как им самим, так и государству» [6, с. 610-611].

По мнению преосвященного Стефана, сами по себе объявленные свободы и права не принесут покоя стране и благ для ее населения. «Разве право, например, неприкосновенности личности и полной свободы слова, в самом деле, даст гарантию неприкосновенности чести, доброго имени, ... если оно будет осуществляться умственно и нравственно незрелыми личностями?

Разве право собраний и союзов не удесятерит зла, которое могут приносить, безнравственные и не стесняющиеся средствами, но объединенные общею целью, личности?» – не без основания спрашивал монархист [6, с. 610]. В отношении законов, которые должны были бы охранять честь и достоинство, Стефан так же выражал большие сомнения, которые основывались, во-первых, на убеждении священника в прагматическом отношении большинства людей к законам (будут их исполнять пока им это выгодно), во-вторых, в неспособности законов «обнять весь круг возможных правонарушений, особенно в области чести, доброго имени, репутации» [6, с. 611]. Принимая во внимание консерватизм взглядов главы Могилевской епархии начала прошлого века, его вывод об ответственности за реализацию людьми своих прав и свобод следует признать правильным: «Вне известной высоты умственного и нравственного уровня большинства граждан – свобода обращается в тиранию или невежества или алчности. Добро нам будет, если требуемое большинство российских граждан достигло этой высоты. Тогда дарованные нам права действительно послужат к общему нашему благоденствию, к славе и величию отечества. Но что же делать теперь, если мы окажемся еще незрелы для дарованной свободы? Осталось нам одно – усиленно стремиться к достижению общей умственной и нравственной зрелости, – к первой через просвещение, а ко второй через усиленное исполнение воли Божьей, святой и совершенной, через утверждение совести своей и общенародной на незыблемом основании закона Божьего, запрещающего людям все дурное, всякие правонарушения как в области частных, так и общественных интересов; обязывающего всякую личность частные свои интересы (до жизни включительно) подчинять интересам общим. При этом зрелость нравственная, состоящая в свободе от греха, всегда имела и будет иметь первенствующее значение над зрелостью умственной» [6, с. 612].

Литература

1. *Кирьянов, Ю.И.* Русское Собрание. 1900-1917 / Ю.И. Кирьянов. – М. : РОССПЭН, 2003. – 352 с.
2. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М. : РОССПЭН, 1995. – 464 с.
3. Устав общества под названием «Союз Русского Народа». – СПб. : Отечественная типография, 1906. – 16 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

4. Об антиеврейских беспорядках и о проявленных евреями насилиях к христианам по Минской губернии / Его высокопревосходительству Господину Министру Внутренних Дел [от] сынов Православной церкви губернского города Минска // ГАРФ. – Фонд 102. – Опись 233. – 1905. – Дело 2000. – Ч. 9.

5. О Государственной Думе (2-го созыва) // Морская волна. – 1907. – 31 марта. – С. 3.

6. Речь Преосвященнейшего Стефана, Епископа Могилевского и Мстиславского перед молебствием по случаю Манифеста 17 октября 1905 года // Могилевские Епархиальные ведомости. – 1905. – 1 ноября. – С. 609-613.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова